

После битвы при Цзецяо Гунсунь Цзань отступил с войском обратно в уезд Цзи.

В этот самый момент военачальник Юань Шао по имени Цюй Цюйе повел войска в атаку на Гуаньянь. Гарнизон Гуаньяня отправил гонца наповал с донесением для Гунсунь Цзаня, прося о подкреплении.

Стоило Чжао Юню вернуться в уезд Цзи, как Гунсунь Цзань отдал ему прямой приказ подкрепить Гуаньянь.

Не успев даже снять боевые доспехи, Чжао Юнь в спешке снова помчался в военный лагерь.

Они выстроили войско и всю ночь мчались вперед, лишь бы поскорее добраться до Гуаньяня.

Во время короткого привала Чжан Янь сидел под деревом и жадно пил вино из фляги, бросив взгляд на человека неподалеку, который прислонился спиной к стволу и закрыл глаза, собираясь с силами.

— Фэнсяо, с твоим-то телосложением, зачем тебе обязательно нужно было тащиться с нами, какую дурь ты тут удумал?

Го Цзя прикрыл глаза, слегка повернулся набок, отвернувшись от Чжао Юня... то есть от Чжан Яня.

— Эй, эй, игнорируешь меня, да? Твой покорный слуга получил приказ от Цзилуна приглядывать за тобой. — Чжан Янь без церемоний подвинулся поближе к нему, усевшись рядом, и потряс перед его носом флягой с вином. — Не хочешь сделать глоток?

Насыщенный аромат вина прямо-таки проникал в нос.

Го Цзя медленно приоткрыл глаза: сначала покосился на бутылку, а затем перевел взгляд на Чжан Яня.

— Сколько еще до Гуаньяня?

Чжан Янь закатил глаза: — Чего тебе, так терпится на поле боя?

— А где Цзилун?

Чжан Янь взбесился: — Эй! Го Фэнсяо! Перестань то и дело повторять Цзилун то, Цзилун се, ладно?!

— Что же мне тогда говорить? Фэйянь то, Яньмин се?

Чжан Янь подавился, помолчал пару мгновений и выдал: — Ладно, лучше зови его Цзилуном, я пойду поищу его для тебя.

Чжан Янь поспешно ретировался. Го Цзя стер с лица улыбку, его брови слегка нахмурились.

Го Цзя взял ветку и небрежно набросал на земле приблизительную карту.

— Уезд Гуаньань трудно штурмовать, но легко защищать. Раз Цюй Цюйе так долго не может его взять, боевой дух его людей наверняка уже подорван, а потому...

К югу от Гуаньяня лежали земли уезда Юйсянь.

Го Цзя обвел это место кружком.

Чжао Юнь посмотрел на него и нахмурился: — Река Цзюмашуй?

Го Цзя с улыбкой кивнул: — Верно, Цзюмашуй. Не сумев взять Гуаньань, Цюй Цюйе непременно поведет войска обратно на юг, а Цзюмашуй — лучшее место для засады.

Не обращая внимания на стоявшего рядом в полном недоумении Чжан Яня, Чжао Юнь безупречно вежливо отвесил Го Цзя поклон: — Благодарю за труды, Фэнсяо.

Го Цзя отбросил ветку и выпрямился во весь рост: — Полководец ведет войны, ему положено стяжать беспрецедентную славу. Цзилун, я, Цзя, непременно обеспечу тебе имя, что пребудет в веках.

Стоило ему это произнести.

Даже при присущей Чжао Юню выдержке его сердце сейчас невольно затрепетало от волнения.

Они скрестили взгляды, и в этот миг казалось, что это пламя способно выжечь всё расстояние между ними.

Чжан Янь присел на корточки, ошеломленно уставившись на этот грубый чертеж, и вдруг завопил: — Фэнсяо, ты хочешь сказать, что нам не нужно идти в Гуаньань?!

Го Цзя подошел и хлопнул его по плечу: — Не нам, а мне и Цзилуну. Генералу Фэйяню все же придется туда отправиться.

— Что? — Чжан Янь не удержался на корточках и грохнулся прямо на землю пятой точкой.

Третий год правления Эпирского мира [Чупин], лето.

Из-за подкрепления, приведенного Чжан Янем, Цюй Цюйе после нескольких ожесточенных сражений так и не смог одержать победу и решил отступить.

Однако он никак не ожидал, что у реки Цзюмашуй на него нападет засада во главе с Чжао Юнем.

Этот бой был сродни настоящей резне.

Следуя совету Го Цзя, Чжао Юнь велел нарубить бамбука у реки и связать плоты, причем на плотях было густо наткано заостренных зеленых бамбуковых пик.

А по обеим сторонам русла реки они натянули скрытые под водой веревки, скрученные из древесной коры.

Армия Юаня возвращалась подавленной, и передовые дозоры даже не удосужились разведать здешнюю обстановку. В результате Цюй Цюйе отдал приказ переправляться через реку.

Едва бамбуковые плоты доплыли до середины реки, как раздалось несколько испуганных возгласов.

Следом за этим шедшие в самом авангарде плоты один за другим перевернулись, сбросив всех сидевших на них солдат прямо в воду. Не успели остальные прийти им на помощь, как вооруженные бамбуковыми пиками плоты внезапно понеслись сверху по течению.

Используя силу течения, они на полном ходу врезались в барахтавшихся в воде воинов.

Острия пик нанизывали одно за другим тела воинов армии Юаня.

В мгновение ока воды Цзюмашуй окрасились в багряный цвет, будто кто-то опрокинул чан с киноварью на красильне, и этот оттенок пропитал всю реку целиком.

В лучах заходящего солнца багровые тучи на закате придавали воде еще более жуткий вид.

— А-а...

Такой страшной картины не было даже во время штурма городов, а теперь невидимый враг за считанные мгновения истребил столько их братьев.

Копыта коня Цюй Цюйе заставили содрогнуться речной берег.

— Кто здесь! Выходи на смерть!

Боевые кони ржали, поднимая клубы пыли.

Впереди всех ехал всадник в белых одеждах на белом коне, с серебряным копьем в руках, сияющим ослепительным блеском заходящего солнца.

— Чжао Цзилун из Чаншаня?!

Зрачки Цюй Цюйе сузились, он занес длинный меч и ринулся в атаку.

— Это ты тяжело ранил нашего Цюй И?

Чжао Юнь легко крутанул запястье, издал тихий рык, Копье Яцзяо взметнулось у него в ладони, и он сжал бока коня ногами.

Не говоря ни слова, он сошелся с противником в бою.

Тени от копья, словно стонущий серебряный дракон, сверкали мириадами холодных искр.

— Цзянь! — раздался звон металла.

Цюй Цюйе отдернул коня на несколько шагов назад: удар Чжао Юня сбил с его головы шлем. Растрепанные волосы делали его лицо еще более свирепым.

Тяжелый меч, полный сокрушительной мощи, способной раскалывать горы и рушить скалы, снова ринулся в атаку.

Поднявшийся вихрь камней и песка закружил тучи пыли, скрывая фигуры обоих бойцов. В этой дымке можно было лишь услышать резкий звон оружия, прорывающийся сквозь пыль, и увидеть, как серебряный свет и черные тени слились в единую линию между небом и землей, и лишь заходящее солнце кровоточило багрянцем.

Река омывала кровавые следы на обоих берегах, погребая ночную бойню под речным дном.

Этой ночью не было луны.

Казалось, даже звезды испугались этой кровавой бойни: в темной ночи не мерцало ни единого

огонька, и земля погрузилась в непроглядный мрак.

В этом сражении армия Юаня потернула сокрушительное поражение: у реки Цзюмашуй нашли свою смерть более восьми тысяч человек, Цюй Цюйе был обезглавлен на месте, а остатки его войска побросали доспехи и разбежались.

В это время в палатке неподалеку от берега горело лишь несколько тусклых огоньков посреди глубокой ночи.

Хотя на дворе стоял конец жары, по ночам все еще дул прохладный ветер, да и душам бесчисленных погибших, невесть откуда прибавившимся в реке, не было числа.

С наступлением ночи даже патрульные стражники невольно ежились от озноба.

— В лагере тебя не нашли, как ты оказался здесь? — Чжао Юнь набросил на плечи этому человеку тяжелый плащ.

Перед ними струилась река, издавая журчание, но Го Цзя простоял здесь уже очень долго.

Сегодняшнее сражение он видел собственными глазами: Чжао Юнь в одиночку, на одном коне, разил врагов копьем, рассекая по полю боя словно сошедший с небес божественный полководец.

В отличие от прошлого, на этот раз всё было до боли, донельзя близко.

Настолько близко, что точь-в-точь повторяло его прошлую жизнь.

Вспыхнувший поток старых воспоминаний в тот же миг выплеснулся наружу.

В пламени Чиби его растерзанная душа и осколки духа уже почти увяли.

Он обернулся у Моста Найхэ и увидел того человека — в одеждах цвета чистейшего стекла, с серебряным копьем, на белом коне.

Прежде чем он успел испить ту чашу супа забвения Мэн По, тот окликнул его:

— Фэнсяо...

Река Чиби, долгий путь по Желтым Клятвам.

К счастью, в этой жизни я наконец встретил тебя.

Го Цзя плотнее запахнул плащ и обернулся: — Цзилун, я самовольно принял решение: Яньмину больше не нужно возвращаться в уезд Цзи.

Сердце Чжао Юня ёкнуло: — Что-то случилось?

Шагая рядом, Го Цзя произнес: — Гунсунь Цзань потерпел поражение при Цзецяо, в то время как Лю Юй готовится встретить Сянь-ди и вернуть его на востоке в Лоян. Этот шаг еще сильнее поднял его авторитет среди простого народа.

Чжао Юнь шел рядом с фонарем в руке, освещая дорогу.

— О чем беспокоится Фэнсяо?

Го Цзя потерял бдительность, оступился на покатом камне, и Чжао Юнь тут же притянул его к себе, обхватив за талию.

— Осторожно.

Когда Го Цзя выпрямился, Чжао Юнь вовсе не спешил разжимать объятия. На лице Го Цзя на мгновение мелькнула мягкая нежность, и он позволил Чжао Юню придерживать себя.

— Между Гунсунь Цзанем и Лю Юем давно зародился разлад, а теперь силы их неравны, и я боюсь...

— Ты переживаешь за Лю Юя?

Го Цзя остановился, перевел взгляд на Чжао Юня, и в его глазах читалась редкая сосредоточенность.

— Я переживаю за Гунсунь Цзаня.

Вернувшись в уезд Цзи, Го Цзя, видимо, действительно подхватил той ночью зловердный холодный ветер, и простуда то отступала, то возвращалась, никак не желая проходить.

Чжао Юнь обошел всех лекарей в уезде Цзи, но все прибывшие лишь выписывали отвары против простуды да давали наставления.

Строго соблюдайте постельный режим, тщательно берегите себя.

В этот период Гунсунь Цзань отправлял бесчисленное количество людей навестить Го Цзя, но всех их неизменно заворачивал Сюй Лу.

В тот день Чэн И только приоткрыл дверь, как резко втянул воздух от неожиданности.

— Господин.

Гунсунь Цзань пожаловал лично, так что даже прикованному к постели Го Цзя пришлось подняться на ноги.

Приходилось жить под чужой крышей, к тому же этот человек был господином Чжао Юня.

— Слышал от Цзилуна, что Фэнсяо заболел, я бы навестил его раньше, да вот государственные дела закружили.

У Го Цзя кружилась голова, земля уходила из-под ног, но он все же заставил себя стоять и ответил: — Благодарю генерала за беспокойство.

Заметив капельки пота на висках больного, Гунсунь Цзань покривил мрачное лицо в холодной усмешке: — Похоже, Фэнсяо и впрямь слаб здоровьем. Когда приходили гостя и докладывали о твоей болезни, я еще думал — до каких же пор ты будешь тянуть с этой отговоркой? А нынче гляжу — и впрямь занемог.

Го Цзя оставил это без ответа.

Гунсунь Цзань бросил косой взгляд на стоявшего рядом Фань Фаня.

Тот сразу понял намек и протянул свиток документов.

— Фэнсяо, господин говорит: стоять тебе кивнуть, и эта должность военного советника станет твоей.

Однако Го Цзя не взял свиток, а оперся рукой о подлокотник кресла и сел.

— Генерал, военный советник — должность важнейшая для всей армии, и дело вовсе не в том, что Цзя не желает ее принимать, а в том, что не сможет справиться.

— О? — с сомнением протянул Гунсунь Цзань. — Не сможешь?

— Генерал сам говорил, что Цзя слаб здоровьем. Эта болезнь длится уже несколько месяцев, и, не утаивая от генерала, в голове у меня до сих пор шумит. Спросите себя сами, как в таком

состоянии я могу взвалить на себя обязанности военного советника?

Гунсунь Цзань махнул рукой, и Фань Фан вышел со свитком в руках.

В комнате остались лишь они двое.

— Раз Фэнсяо упорствует, я не стану неволить. Но есть одно дело, в котором мне все же требуется помощь Фэнсяо.

Го Цзя подавил рвущийся наружу кашель и произнес хриплым голосом: — Генерал чувствует себя как на иголках, и причина тому — не кто иной, как Лю Юй из Ючжоу.

Как на иголках, Лю Юй из Ючжоу.

Всего восемь иероглифов, но даже выражение лица Гунсунь Цзяня мгновенно переменилось.

— И что же, у Фэнсяо есть способ избавиться от этого?

После ухода Гунсунь Цзяня Го Цзя без сил рухнул в кресло.

Вошедший Чжао Юнь увидел, что его лицо стало еще мертвеннее-бледным, виски и лоб покрыты капельками пота. Ему хотелось сделать выговор больному, но в сердце он прекрасно понимал: если бы не он, этому человеку не пришлось бы рассыпаться в любезностях перед Гунсунь Цзанем.

— Фэнсяо?

— Мм? — с трудом выдавил из себя Го Цзя.

— Можно ли уже вернуть прежнюю дозировку лекарств?

Вернувшись из Цзюмашуя, Чжао Юнь заметил, что Го Цзя намеренно сокращает порции лекарств, из-за чего простуда затягивалась на долгие дни. Чжао Юнь несколько раз пытался вмешаться, но Го Цзя прямо заявлял, что Гунсунь Цзань не успокоится, пока не убедится в его болезни.

Вот так всё и тянулось по сей день.

Чжао Юнь как-то спросил его, почему он был так уверен в приходе Гунсунь Цзяня.

На что Го Цзя ответил, что тот в любом случае явился бы — даже если бы Гунсунь Цзань пожелал выждать, Лю Юй не позволил бы ему этого.

И теперь оказалось, что всё вышло слово в слово так, как он и предсказывал.

Чжао Юнь подхватил полубессознательного человека на руки и понес прямо в спальню.

Он смотром полотенца стирал пот с лица больного, касался его плотно сомкнутых век и бледных щек, но когда рука опустилась на покрасневшие от болезни губы, Чжао Юнь резко отдернул ее.

В некоторой растерянности он поправил одеяло и тут же поспешно ушел.

Лежавший в постели Го Цзя медленно приоткрыл глаза. В глубине его темных зрачков зияла пугающая пустота, устремленная в неизвестность.

В уезде Цзи снова наступила осень, опадали листья.

— Бух!

Внезапно раздался оглушительный грохот удара.

За городской стеной в тот же миг поднялись тучи бескрайней пыли, бушующей и наступающей со всех сторон, а глухие удары барабанов зачастили, забарабанили все быстрее.

Это были...

Боевые барабаны!

— Идут! — со смехом произнес Гунсунь Цзань. — Приготовиться к бою!

...

<http://bllate.org/book/19191/1884811>